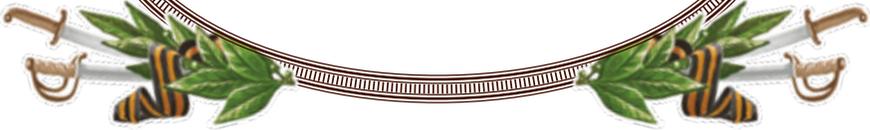

1912-й – ПЕПЕЛ ВРЕМЕННЫЙ СЛАВА ВЕЧНАЯ...

Ольга Николаевна
Лесли

*О, дайте нам побольше таких людей, дайте сынов,
так любящих родину; расскажите нам об их подвигах,
об их самопожертвовании, об их бескорыстии, –
и мы научимся, и нам грешно и стыдно будет
не быть достойными их потомками...*

Ф. Никифоров

« *К*то был первый народный партизан на Руси в эпоху
Отечественной войны?

Разумеется, Давыдов¹, – ответил бы каждый, кому предложили
бы подобный вопрос.

Вообще говоря, почему-то в обществе принято смешивать понятие
“партизаны” с понятием о народном ополчении, между тем, как разли-
ца в этом огромная. Партизанские отряды состоят исключительно из
военного элемента и формируются по объявлении Высочайшего ма-
нифеста. Они имеют чисто военную организацию и характер деятель-
ности их – военный.

Народное же ополчение в эпоху Отечественной войны состояло ис-
ключительно из народа и преимущественно из помещичьих крестьян,
и первая мысль о народном ополчении не могла возникнуть иначе,
как в помещичьей среде, состоявшей в непосредственном соприкос-
новении с народом, и потому передать эту мысль народу, воодуше-
вить, наконец осуществить ее, могло лишь лицо из помещичьей среды,
в руках которого были и необходимые материальные средства. Народ-
ному ополчению старались придавать военную организацию и дис-
циплину, при чем пользовались опытом отставных офицеров из по-
мещиков же. Разумеется, деятельность подобного ополчения должна
быть много слабее правильно организованных военных партизанских
отрядов. Все это и составляет различие между понятиями “партизаны
военные” и “партизаны народные”, а связь между ними лишь та, что
военная партизанская организация явилась лишь вследствие первой

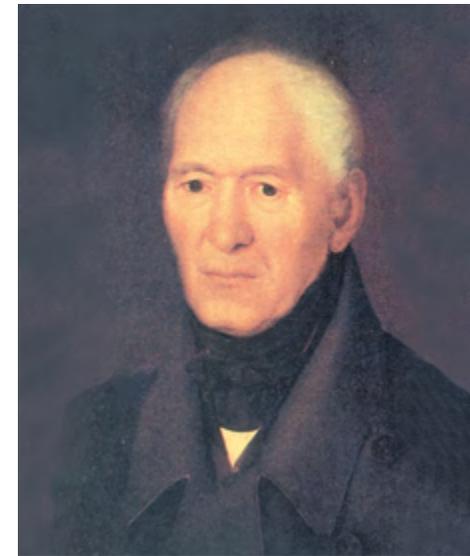
мысли о народном ополчении, как это и видно из записок Давыдова, а также подтверждается хронологическими датами появления идеи и начала партизанских действий Давыдова. Давыдов, как воин, обладавший достаточным опытом в то время и знанием военного дела, сумел воспользоваться вверенными ему партизанскими отрядами. Своею неутомимой энергией, широкою, доблестною деятельностью он сумел завоевать себе славу, приобрести известность и занять должествующее место в истории Отечественной войны. Вероятно, все это и послужило причиною того, что ему приписывают и первую мысль об ополчении. Не желая ничуть умалять доблесть Давыдова и значение его в истории Отечественной войны, тем не менее, по чувству справедливости, воздавая каждому должное, скажем, что было другое лицо, которому именно принадлежит первая мысль о народном ополчении. <...>

<...> Первая мысль о народном ополчении в годину бедствий родилась у Александра Дмитриевича Лесли. С быстротою молнии охватила она всю Русь, и осуществление ее составляет гордость нашего Отечества. В этом рельефно выразилась сила духа и самобытность русской нации. Воплощением же этой великой мысли, в полном смысле этого слова, положен был предел дерзости врага. Этим довершено было поражение полумиллионной армии Наполеона и полное истребление остатков ее. Торжество русской нации воссияло перед лицом всей Европы, а ныне, по справедливости, должна воскреснуть память Александра Дмитриевича Лесли. Он скромно доживал остаток дней в тихом уединении своей вотчины, не помышляя о том, что имя его стяжает себе навеки славу национального героя...». Так писал уже более века тому назад генерал-майор Д.Н. Мясоедов в своей статье «Кто был первый народный партизан на Руси в эпоху Отечественной войны?» (Исторический вестник. СПб, 1903, №12).

А в 1857 г., полтора века тому назад, в двух газетах – «Смоленские губернские ведомости» и «Русский инвалид» – об этом же замечательном семействе Ф. Никифоров² написал так:

«В начале июля 1812 года, еще до воззвания Государя Императора Александра I к дворянству о формировании ополчения, помещик Смоленской губернии Духовщинского уезда, служивший в С.-Петербургском драгунском полку, Петр Дмитриевич Лесли, с тремя братьями, также служившими в кавалерии, Александром, Григорием и Егором Дмитриевичем Лесли, узнали о приближении неприятельских войск к границам Смоленской губернии – забилося сильно русское сердце у молодых витязей, вздрогнуло оно, облилось кровью, как вздрагивает, как рвется оно, когда видит в страшной опасности любимое им существо. Отчизне грозила опасность и витязи-Лесли, испросив у родителя своего благословения, первые явились к смо-

Александр Дмитриевич Лесли

ленскому губернскому предводителю дворянства Сергею Ивановичу Лесли с предложением составить по губернии ополчение, и располагать их жизнью и состоянием на защиту родины. Они привезли с собой письмо от отца их генерал-майора Дмитрия Егоровича Лесли, в котором маститый старик изъявлял готовность также вступить на службу, если этого потребует надобность.

Губернский предводитель, одобрив такую мысль, предложил ее на обсуждение в собрании дворян и затем отправил к Государю Императору донесение о желании дворян сформировать ополчение. Высочайшее соизволение последовало».

Ряд документов Российского государственного военно-исторического архива содержит интереснейшие факты о народном ополчении 1812 г. Так, в фонде Военно-ученого архива (ВУА) в сведениях о народной войне 1812 г., «доставленных Его Превосходительству Михаилу Исаковичу Лежу» 7 мая 1836 г. от советника Смоленской гражданской палаты надворного советника Ивана Маслова представлена записка о четырех родных братьях Лесли, «явивших первый пример вооружиться на защиту Отечества»:

«Дворяне Смоленской губернии четыре родные братья Лесли, находившиеся в отставке: штабс-ротмистр Александр, поручик Григорий и подпоручики Егор и Петр, сыновья генерал-майора Дмитрия Егоровича Лесли, узнав по дошедшим слухам о приближении неприятельских войск к Смоленской губернии, быв подвижны преданностью к монарху и любовью к Отечеству, испрося благословения родителя, явились первые в город Смоленск к губернскому предводителю дворянства с изъявлением желания жертвовать собою и всем состоянием для составления ополчения противу врагов, доставив при сем письмо родителя, что он не взирая на преклонность лет, готов предстать сам для защиты оного.

<...> Скромность чувств и дух патриотизма довольствовались тем, что исполнили священный долг верноподданных и долг сынов Отечества, не помышляя вознаграждения за сей их подвиг.

Губернский предводитель одобрил сию мысль, пригласил всех в то время бывших в городе Смоленске дворян для предложения им об общем в губернии ополчении. Получа на сие ревностное их согласие, немедленно отправил подполковника Андрея Васильевича

Энгельгардта с донесением Государю Императору об усердной готовности дворян вооружиться для защиты Отечества прежде еще воззвания Государя Императора к дворянству».

То же встречаем у М. Богдановича в «Истории Отечественной войны 1812 г.», у В.М. Вороновского в книге «Отечественная война 1812 года в пределах Смоленской губернии», у П. Никитина в «Истории города Смоленска» и др.

Итак, «маститый старик» Дмитрий Егорович Лесли³, как назвал его Ф. Никифоров, с сыновьями Александром, Григорием, Егором и Петром Дмитриевичами и дочерью Варварой Дмитриевной в замужестве Энгельгардт сформировали за свой счет и полное содержание **первый отряд народного ополчения**. «...Дмитрий Егорович выставил 12 конных, Григорий 16 конных и двух пеших, Петр 19 конных, Александр 20 конных, Егор 20 конных и Варвара Дмитриевна 10 человек конных, так что весь отряд составлялся из 97 конных и двух пеших охотников»⁴. Скажем о каждом герое подробнее.

Дмитрий Егорович Лесли родился в 1748 (1747?) г. Сын генерал-майора Георгия Юрьевича Лесли [ок. 1714 (1720?)–1772 (1773?)] и жены его Феклы Даниловны Денисович (ок. 1712–?). Потомок старинного шотландского рода, крепко обосновавшегося в России с середины XVII в. Рода, представители которого около двух веков до описываемых нами событий верой и правдой служили Царю и Отечеству. Один из них, Николай Дормидонтович⁵, в начале XVIII в. вспоминал: «...ни одного не было из предков и современников в гражданской [службе], только Володя Лесли⁶, Петра Дмитриевича сын, из Кадетского корпуса, где уже зачислен был, по болезни ноги должен был определиться в штатскую службу».

Представители рода Лесли со своими семьями проживали практически на всей территории Смоленщины⁷. Дмитрию Егоровичу принадлежали земли Смоленской губернии различных уездов: Смоленского – село Станьково, деревни Капыревщина, Кимборово, сельцо Новый Двор, сельцо Заборье; Ельнинского – село Озерецкое, деревни Васильево, Сивцово (Сищово?), село Иваново, деревни Липня, Леванидово, Соколовка и Вароксино; Духовщинского – «мужского полу крестьян 429 душ».

Службу свою Дмитрий Егорович начал в Рославльском драгунском эскадроне 15 августа 1756 г. В 1757 г. он – вахмистр, в 1762 – корнет, затем – прапорщик в Смоленском гарнизонном полку; в 1764 г. Дмитрий Егорович переведен в Новотроицкий кирасирский полк. Поручик в 1769 г., в 1770 г. за Кагульскую баталию он произведен в ротмистры.

Предводитель смоленского дворянства Сергей Иванович Лесли

В 1774 г. Дмитрий Егорович уходит в отставку в чине майора, после чего мы видим его некоторое время проживающим в своем имении Капыревщина. Сохранились сведения о том, что в 1779 г. Дмитрий Егорович Лесли строит там же, в Капыревщине, «современный каменный храм во имя Покрова Пресвятыя Богородицы».

В 1782 г. Дмитрий Егорович был избран Ельнинским уездным предводителем дворянства и находился в этой должности до 1784 г. В декабре этого же года его назначают областным прокурором с чином надворного советника в Таврической области⁸. В 1788 г. он произведен в подполковники и назначен формировать Екатеринославский казачий регулярный корпус 4-й бригады, а после его расформирования – Малороссийский казачий регулярный полк.

11 декабря 1790 г. при штурме Измаила Дмитрий Егорович командовал спешенной кавалерийской бригадой (Чугуевский уланский и казачий полки), где получил пулевое ранение в руку, после чего в начале 1791 г. его награждают орденом Св. Георгия 4-й степени⁹ и он получает звание полковника.

В 1792 г. Дмитрий Егорович Лесли находился в свите посольства «приставом при уполномоченных турецких до самого заключения мира с Портою Оттоманскою господином действительным тайным советником и кавалером князем Александром Андреевичем Безбородко¹⁰, а в 1793 г. у препровождения с Турецкой границы в Санкт-Петербург турецкого посла вторым приставом, за что получил орден Св. Владимира 3-й степени».

Также в 1793 г. при присоединении части Польши имел на большой дистанции кордон и содержал его «в надлежащем порядке». Кроме этого, «часть бывшего польского <...> войска уговорил учинить присягу в верности¹¹ Его Императорского Величества и стать в российской службе, в чем и засвидетельствован тогда командующим господином генерал-лейтенантом».

С мая 1797 г. по ноябрь 1798 г. определен шефом в 1-й Чугуевский казачий регулярный полк. В этот период, в июле 1797 г., Дмитрий Егорович становится генерал-майором.

Приведем выдержки из графы «в походах» послужного списка: «С неприятелем: в 1769 г. при главнокомандующем армии, с 1770 с донскими казаками при авангардном корпусе. 2-ого и 4-ого июля <...> 5-ого – в сражениях, 7-ого в атаке неприятельского лагеря при Ларге, 21-ого в баталии при Кагуле, 23-его при взятии в плен оставшей при Дунае бегущей неприятельской Армии со всем обозом. В первую Турецкую войну сначала и до конца, <...> в последнюю Турецкую войну с 1788 до окончания и так же в Польше с 9 мая 1792 г. по 28 марта 1793 г. находился». 15 июля 1792 г. под местечком Маркушевым «при разбитии неприятельских эскадронов действительно был, за что от командовавших господ генерала от кавалерии Дунина¹² и Орлова¹³ к главной команде рекомендован».

Дмитрий Егорович Лесли награжден орденами Св. Георгия 4-й степени, Св. Владимира 3-й степени и Св. Анны «алмазами украшенной на шее».

12 ноября 1798 г. «по прошению» ушел в отставку. Таким образом, Дмитрий Егорович Лесли служил 42 года, в офицерских чинах – 35 лет.

Возвращаясь к послужному списку, добавим, что «в домовых отпусках не бывал, в штрафах не бывал. Умеет читать и писать по-русски, немецки, французски и польски».

Дмитрий Егорович Лесли умер в 1815 г.

Александр Дмитриевич Лесли родился 25(?) апреля 1781 г. Получив домашнее образование, в 1788 г. был записан в Екатеринославское войско, в 1796 г. переведен поручиком в Чугуевский уланский полк, сформированный его отцом Дмитрием Егоровичем Лесли. Александр Дмитриевич участвовал в кампаниях 1799 и 1807 гг., был адъютантом у князя Голицына.

В отставку вышел в 1810 г. в чине штабс-ротмистра.

В 1812 г. Александр Дмитриевич первый предложил составить ополчение по Смоленской губернии и со своими братьями сформировал партизанский отряд «из своих крестьян на свой счет и содержание», вместе с которым участвовал в сражениях.

Григорий Дмитриевич Лесли родился 30 сентября 1782 г.

В службу вступил в 1801 г. в Санкт-Петербургский драгунский полк унтер-офицером, служил в Кавалергардском полку, затем – в Ахтырском гусарском.

«Был в походах в Пруссии, против французских войск...»

4 ноября 1804 г. произведен в корнеты. 11 ноября 1808 г. за болезнь уволен от службы поручиком.

«По облегчению от болезни в 1812 году <...> поступил на службу, собрав собственный полк с братьями своими более 60 конных воинов

<...> и велено поставить [их] к Белорусским границам, и был прикомандирован ко 2-ой Западной армии, занимал должность капитана над вожатыми, находился в сражениях при городе Красном 2-ого августа, 5-го и 6-го при городе Смоленске, 24-го и 26-го, близ города Можайска при Бородине...»

За отличную храбрость 24 и 26 августа 1812 г. при Бородине и Семеновке пожалован орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом.

Уволен из ополчения в свой дом по болезни, так как «не может продолжать службу из-за подагры и частых жестоких судорог».

Егор Дмитриевич Лесли родился 3 ноября 1783 г. Служил в Санкт-Петербургском драгунском полку. При увольнении в отставку произведен в подпоручики. Егор Дмитриевич участвовал в сражении при Прейсиш-Эйлау и был награжден золотым крестом «За победу при Прейсиш-Эйлау».

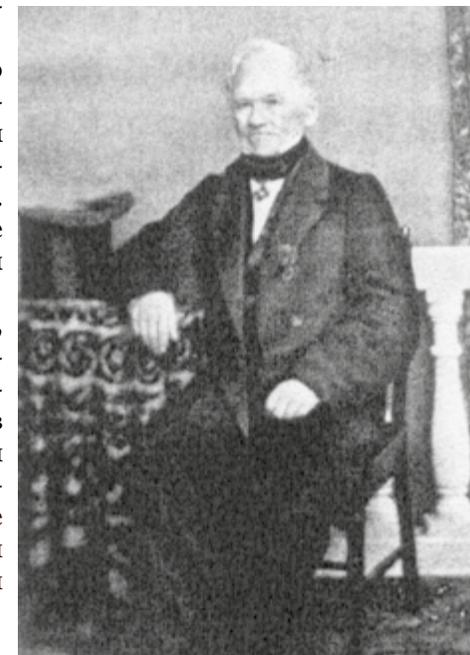
За храбрость, проявленную 24 и 26 августа при Бородине и Семеновке, награжден шпагой Св. Анны 3-й степени. Умер до 1865 г.

Петр Дмитриевич Лесли родился 15 октября 1785 г.

О нем известно, что он служил в «Санкт-Петербургском драгунском полку и участвовал в походах 1805–1807 гг. в Австрию, Моравию и Пруссию против французских войск и в 1809 г. в Молдавию против турок». 28 июня 1806 г. Петр Дмитриевич был произведен в прапорщики, а 3 января 1809 г. уволен подпоручиком.

Петр Дмитриевич также, как и его брат, участвовал в сражении при Прейсиш-Эйлау, за что «пожалован золотым крестом на Георгиевской ленте», за отличие же при Бородине – орденом Св. Анны 3-й степени на шпагу. Имел также медали в память 1812 г. серебряную и бронзовую.

Вернувшись к мирной жизни, П.Д. Лесли служил по выборам дворянства и в 1813 г. стал казначеем Смоленского Дворянского собрания. Находясь в этой должности, он зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. «Ольга Ивановна¹⁴ рассказывала о дяденьке Петре Дмитриевиче, как он раздавал миллионы после 1812 года, которые были присланы

Петр Дмитриевич Лесли

дворянам от Государя Александра Павловича. Другие все подвергались следствию, которым подобные раздачи были поручены; один Петр Дмитриевич был исправлен. Дворянство выбрало его предводителем». Таким образом, с 1814 по 1817 гг. Петр Дмитриевич служил Смоленским уездным предводителем дворянства, а в отсутствие губернского предводителя исправлял его обязанности.

С 1838 по 1844 гг. Петр Дмитриевич занимал должность совестного судьи в Смоленске и председателя комиссии для разбора дворянских грамот.

В 1856 г. его избрали председателем Смоленской палаты уголовного суда, и в этой должности он находился до 1865 г. включительно. Умер Петр Дмитриевич около 1870 г.

Помимо архивных материалов и статей в дореволюционных изданиях, дошли до нас выдержки из многотомного дневника, который вел в середине XIX в. единственный сын Александра Дмитриевича Лесли – Александр Александрович¹⁵. В дневник этот А.А. Лесли старательно записывал все, чем была наполнена его жизнь: домашние радости и переживания, случайные встречи и разговоры в кругу друзей, а также воспоминания: от отца с матерью, дядьев и тетюшек, сослуживцев и крестьян. Приведем некоторые выдержки разных лет, связанные с 1812 г.

«Когда¹⁶ кончили чтение, папенька¹⁷ рассказывал, как родилась у него первая мысль об ополчении, как он приготавливал людей и братьев Егора, Григория и Петра посылал в разные места: одного в Копыревщину к батюшке¹⁸ просить благословения, который даже сам хотел идти в ополчение с сыновьями, о чем и в истории Михайловского-Данилевского упоминается, другого в Смоленск за покупкою седел и прочего нужного для ополчения, третьего в Озеренск к Варваре Дмитриевне¹⁹, ее уведомить о нашествии врагов и взять несколько людей в ополчение. Папенька поехал к губернскому предводителю Сергею Ивановичу Лесли²⁰ представлять ему необходимость ополчения. Тот созвал, сколько можно было, дворян, но уже когда три родных брата и двоюродный их Абрам Степанович²¹ сражались под Красным и около Гусинова, где конные ратники были в первый раз под выстрелами: через Днепр в них выстрелили 16 раз из пушки, но никого не ранили. Федор Заяц²² рассказал об этом деле, и оно у меня записано. Он говорил об Абраме Степановиче, но там был и Петр Дмитриевич, и другие недалеко, тоже в строю. После ратники говорили: “Как это господа не сказали, что в нас будут стрелять из пушки?”»

«Когда дворянство собралось, – хотя беда была на носу, но Оленин пустился в длинное и глупое рассуждение: “Как мы смеем

жертвовать жизнью других и делать ополчение?”», забыв о должной защите Отечества. Прохор Иванович Булатов говорил: “Как давать людей, когда теперь самый сенокос?” Папенька ему сказал: “Заготовляете поболее для неприятеля?” Так действительно и случилось через несколько дней. Петр Клочков говорил: “Я согласен на ополчение, но только по моему плану”. Папенька ему сказал: “По чьему угодно, – только надо поскорее собрать и вооружить!” Много было подобных глупых возражений, но очевидная нужда заставила большинство решить собрать ополчение. Кто-то сказал: “А где же братья Лесли? Они первые затеяли ополчение. Их надо выбрать в офицеры, а здесь только Александр Дмитриевич”. Сергей Иванович отвечал: “Мы здесь еще толкуем, а они уже давно сражаются”. Жара была чрезвычайная. Все вышли из залы, на дворе рассуждали. Петр Дмитриевич Воеводский²³, бывший внучатый дядя папеньки, брат Клавдии Дмитриевны, был очень полон, снял с себя даже мундир. – Обратясь к папеньке, [он] говорил ему: “Ты первый затейник всему этому, – тебя первого надо выбрать в ополчение”. – “Я уже сам ополчился – и вот вам приказ Винценгероде, которым он мне велел состоять при нем при особых поручениях”. – “Проворен, брат!” – возразил Воеводский. Еще многое рассказывал папенька, как от своего крестьянина – медника, делавшего котлы на винокурню, узнали о приближении французов и пр. Иное у меня уже записано, а иное нет, а все очень интересно, и я давно просил папеньку описать эти достопамятные дни, но он говорил: “Это интересно для нас, а другим нет дела”. А я говорил: “Такая важная эпоха интересна и малозначащими частными подробностями, особенно ежели пройдет много времени”».

«Василий Владимирович²⁴ Куколь-Яснопольский рассказывал, как в 1812 году, когда 6 августа был оставлен Смоленск, и французы, бомбардировав его, вступили, – его послал главнокомандующий курьером к государю. Наша армия перед тем стояла недели две в 15 верстах от Смоленска, в <...>, откуда он раз был послан с приказами в Красное, откуда уже наши войска отступали. И он встретил отряд ратников, четырех братьев Лесли и Абрама Степановича, с которыми было своих сто человек конных, вооруженных пиками, саблями, пистолетами. Через несколько дней он познакомился со всеми ними...»

«В сумерки²⁵ разговаривали с папенькой, кого назначить из Станькова в ополчение, и как было ополчение в 1812 году. Тогда из нашего имения и прочих, т. е. дедушки Дмитрия Егоровича – Копыревщины, дядюшкиных – Кимборова, Петрова, Гусакова и тетюшкиных – Озеренска и Иванова – собрали более 60 человек²⁶, и дяди

выступили с ними из Смоленска к Красному. А папенька приехал в Станьково, велел отпереть все амбары и кладовые, позволил крестьянам брать все поскорей, выпроводил маменьку со мной и тетеньку в Рябинки, Орловской губернии, к Апухтиным и вслед, что в скорости можно было, отправил второпях. Между тем Смоленск был уже взят. Французские разъезды доходили до Долгомостья, в десяти верстах от Станькова».

«Федор²⁷ Заяц рассказывал, как из всех имений дедушки Дмитрия Егоровича и его четырех сыновей – Александра, Григория, Егора и Петра было собрано 200 человек молодцов, и в соборе отслужили молебен, и дедушка провожал. Они были ополченцы, в числе которых и Федор, вооружены все очень длинными пиками и саблями. Было четыре мушкета кавалерийских и несколько пистолетов. Все верхами на лошадях, и ходили они около Катыни, где господа поили их горелкой, около Надвы, Рудни, Лядов, Орши и не дошли до Витебска пять верст, разъезжая по лесам и забирая мародеров. Он рассказывал: «Как эти бродяги придут куда-нибудь в деревню, человек десять или более или менее, грабят скот или забирать хлеб; как узнаем, – отрядят нас человек сорок или сколько нужно, мы обскачем их – и, как не присяжные солдаты, то не острым концом, а тупым хорошенько хватишь, то он и бросает ружье, кричит “пардон”. Тогда у них отберут все оружие и соберут с другими в кучи и погонят плетью, как баранов. Ни одного не убили, и, как сдается, то уже не обижают.

Раз четыре француза забрались ночью около водяного колеса на мельницу. Мы узнали это и обступили. Закричали им: «Сдавайтесь! пардон!» Они закричали: “нон пардон!” – и начали стрелять. Нас было сорок человек, и нам приказали отступить поодаль и, окружа, стоять: они выстрелят все патроны – и тогда сдадутся. Так и сделали. Они стреляли несколько часов, а мы стояли, и они никого не ранили. Потом разом как крикнем “ура!”, бросились, окружили. Они сдались, закричав “пардон!” – и мы их живьем взяли и отвели к пленным, которых понемногу, а много набрали за все время. При нас было три киргиза, два калмыка и два татарина. Они уже знали, как надо разъезды делать и все наши правила.

Недалеко от Орши мы стояли около переправы через Днепр, вытянувшись по берегу, а они [французы] на другом берегу высыпали, много, очень много, навели пушки и начали палить. Григорий Дмитриевич, прехрабрый, за старшего командовал. Егор Дмитриевич и Петр Дмитриевич, также храбрые, ничего не боятся; разъезжают перед нами под выстрелами и кричат: “Не робей! не бойся! не прячься, ребята!” а человека два слезли с лошадей и на корот-

ки присели за задними ногами лошадей. А те стоят на своем месте не пошевелятся. А Абрам Степанович – уж тот-то храбрый: выпьет горелки – во весь дух на лошади несется, бранится на нас и кричит. Нас расставили в один ряд, один от другого сажени на три длиною растянули. И тут только и были мы все Леслевской вотчины впереди всей армии, которая была верст на двадцать за нами. Неприятель стрелял ядрами, одни попадали на берег, другие не долетали, падали в воду, а много и через нас и между нами пролетали. Никого не ранило, только под Петром Дмитриевичем ранило лошадь в ногу. Так они несколько часов в нас палили, а мы сидим и никуда не подаемся. Они хотели переправиться, но боялись нас и отступили в лес. А если бы мы оробели и ежели бы стали отступать, – то они, переправясь, нас искрошили бы. Их было куда больше нас, а как мы редко стояли, то нам ничего не сделалось. На Спасовки нам заговориться дали господа мяса, водки вдоволь, и мы стали варить да готовить. Нам сказали: “Француз близко!” Мы хотели было уж бросить и сами не знали, как быть, да Григорий Дмитриевич и другие господа [т. е. Егор Дмитриевич, Петр Дмитриевич и Абрам Степанович] сказали: “Ешьте, поспеете еще”. Уж солнце всходило, а мы согрешили: пост настал, а мы ели мясо и горелку пили, потом поехали в разъезды, и мне известны места около Велина, Катыни и Надвы; по лесам все ездили да французов ловили. А они, ходя по лесу, рубили сучья да на деревьях свои метки клали. Когда отдельно без господ (а каждый командовал из них своею частью), то за Григория Дмитриевича командовал Парфен, который потом был у него приказчиком. И дворовые были с нами за унтеров. И мы более были по частям, все разъезжали и днем и ночью, то в разъездах, то на пикете, и строго уже дело делали, как солдаты: когда послан, то не спи. Да и сами остерегались, боясь попасть в полон.

А из всех в разное время убито было 9 и ранило нескольких. А из всех наших теперь осталось живых только я [Федор Заяц] да еще Андрей Варакса, лесничий в Хруменках, и Парфен, бывший Григория Дмитриевича».

«Священник отец Матвей²⁸ рассказывал, как в Бородинском сражении, когда велели разбирать Семеновку, дядя Григорий Дмитриевич Лесли стоял и смотрел, и, хотя жалко было ему, но и смешно; как один крестьянин не хотел давать казакам овес, на который лег, растянув руки, – а те разбирали кругом овес, почти целый загром. Когда же весь почти овес забрали, тот увидал это, махнул рукой и пошел. Через несколько минут, когда уже разбирали деревню, – он уже не тужил, сам помогал разбирать свой двор, только бы не досталось басурманам».

Французы в 1812 г., плененные партизанами. И.М. Прянишников

«Много²⁹ интересного говорил дяденька Петр Дмитриевич об ополчении, о формировании папенькою и им ополчения, о том, как все дяденьки были во фраках в Бородинском сражении: Петр Дмитриевич за адъютанта в жарком деле, а другие со своими командами; но у всех были кресты за Прейсиш-Эйлау на Георгиевских лентах, – то и солдаты находились в дисциплине. Под Красным Петр Дмитриевич командовал целым эскадроном драгун во фраке и отлично все рубились против сильнейшего неприятеля, который совершенно окружил».

«Собрав³⁰ необыкновенно скоро людей – молодцов из дворовых и крестьян, вооружил их всех по конному. Лошади были хорошие: все почти господские, своих заводов. Из Копыревщины дедушкой, Егором Дмитриевичем были присланы, также Апухтиным Александром Петровичем³¹ из имения жены его Елизаветы Дмитриевны, урожденной Лесли, из сельца Иванова, близ Ельни. Люди в ополчение шли с удовольствием служить со своими господами, которые оставались их начальниками. Они не были замучены рекрутским приемом в присутствии, где их раздевали донага. Притом они готовились защищать Отечество от нахлынувших врагов-басурман, нехристей, как они сами перетолковывали, хотя им иначе объясняли. Присоединясь к отступавшей армии около Лядов, побыв в сражении около Красного и Гусинова, они отступали с армией, не имея настоящего начальства. Отойдя от Смоленска верст 14 по Московской дороге, за Валутину гору, остановились

недалеко от большой дороги. Кормили лошадей, а люди готовили себе пищу. В это время проезжал князь Багратион. Увидав отряд, ему неизвестный, послал адъютанта спросить, какая это команда. Ему отвечали: «Конное ополчение, составленное братьями Лесли на свой счет и содержимое своими средствами». Он послал просить к себе господ Лесли. Встретил их превосходно, наговорил множество похвал и назначил всех состоять в его дежурстве, т. е. вроде конвоя или телохранителей, употребляя как адъютантов, а ратников – как казаков, более для рассылок. У дядюшки Петра Дмитриевича есть подробное описание об этом: он обещал мне дать прочитать и переписать».

Армия, дойдя до Царева-Займища, остановилась, расположилась на отличной местности, желая дать генеральное сражение. Но нельзя было оставаться на позиции к сражению: зарядные ящики по ошибке – неизвестно чьей – пошли по другой дороге, о чем не упоминается в истории. Пока отыскивали обоз с зарядными ящиками, французы подошли. Другие причины были еще: может быть, перемена главнокомандующего. Только без боя отступили до Бородин, с неумолкаемыми стычками ни днем ни ночью в арьергарде³². Петр Дмитриевич и Григорий Дмитриевич были при Багратионе. Григорий Дмитриевич исполнял должность колонновожатого: водил колонны в сражение при Бородине. Петр Дмитриевич за адъютанта под огнем адским разъезжал с приказаниями, а Егор Дмитриевич и Абрам Степанович в Бородине с командой из самого огня выносили раненых на перевязочный пункт через фронт. Не ослабевал огонь обученных солдат, не уменьшалось число носильщиков. Абрам Степанович был прежде ранен, под Фридландом, ядром или осколком гранаты в икру. Лошадь под ним убило, икры кусок оторвало, а кусок сукна от брюк вогнало в тело. Доктора, верно, худо вынули: через несколько месяцев кусок сукна в пятку вышел, с болью во все время. Он за рану не получал пенсии, – кажется, и ордена не получил».

«После Бородинского сражения, пройдя Москву, стояли с отрядом где-то недалеко от Москвы, – дядюшка не упомнит теперь. Новый главнокомандующий, неудовольствия между Кутузовым и Багратионом, неудачи войны, сдача Москвы – все расстроилось. Отряд остался ни при чем и ни при ком. Когда погнали французов назад, – все братья Лесли, действовавшие единодушно, держа все время на свой счет весь отряд, переговора между собою, видя торжество Отечества и умножение регулярного войска, просили отпуск со своим отрядом. Получили: повели его в дома. Было во фронте на лошадях вооруженных огнестрельным оружием

60 человек; кроме того, еще запасные при обозе, кашевары, мастеровые, прислуга – всех 90 человек. В разных сражениях, особенно в бою при Бородине, убито всего 18 человек из строевых. Привели всех остальных в Станьково в порядке, – с трудом, но хорошо продовольствуя на свой счет. Из Станькова уже распустили всех по домам³³. Другие ополчения, сформированные после, за убитых и умерших получали зачетные рекрутские квитанции, а братьям Лесли, которые составили ополчение прежде воззвания Государя, как они не были в списке составленных после ополчения, не захотели выдавать квитанций. Уже губернский предводитель хлопотал через министра. Все это продолжалось долго; после, через несколько лет, получили».

Лесли возвратились к пепелищу. Дом был совершенно уничтожен, осталась только изба, бывшая «музыкантская», вместо пола – солома... в ней и начало семейство свою новую жизнь.

В Смоленске до революции один из переулков в самом центре города, рядом с крепостной стеной назывался Леслевский. (Ныне – это улица Герцена.)

Представителями рода Лесли было построено много церквей по всей Смоленской губернии и в самом Смоленске. Некоторые из них можно увидеть и сегодня. Так, на Соборной горе г. Смоленска, рядом со Свято-Успенским кафедральным собором, сохранилась Нижне-Благовещенская церковь (трапезная и колокольня утрачены), построенная около 1774 г. на пожертвования полковника Лесли. Именно в ней хранилась чудотворная икона Смолен-

Последние владельцы имения Станьково: Николай Александрович и Мария Николаевна Лесли, их сын Борис. 1900 г.

Нижне-Благовещенская церковь (на переднем плане) в Смоленске

ской Божией Матери Одигитрии, вывезенная из города русскими войсками при наступлении Наполеона.

Факты минувшего, драгоценная, теперь уже двухсотлетняя, была. Много памятников человеческой рукой воздвигается нынче героям истории, но существует памятник единственно необходимый и нетленный – память.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Как нам напоминает генерал-майор М. Богданович: «Давыдов, будучи призван к Багратиону, 21-го августа (2 сент. по новому стилю) объяснил ему выгоды партизанской войны при обстоятельствах, в которых мы тогда находились». Партизанские же действия Д. Давыдов открыл только после Бородинского сражения. (Богданович М. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. – СПб., 1859.)

² Статья Ф. Никифорова «Эпизод из войны 1812 года».

³ Прошу не принимать во внимание статью А.М. Горшмана о генерале Дмитрие Егоровиче Лесли в книге «Российский архив» в связи с огромным количеством ложной информации, не подтвержденной ни одним архивом.

⁴ А не 60 человек, как ошибочно пишут некоторые авторы.

⁵ Николай Дормидонтович Лесли (1791–после 1864)

⁶ Владимир Петрович Лесли (1836–?). В 1861–1862 гг. – коллежский регистратор, в 1864–1865 гг. – губернский секретарь.

⁷ Первому русскому Лесли, он же первый русский генерал Авраам (Александр) Лесли (1574(?)–1663) за выдающиеся заслуги, в том числе за отво- еванный, возвращенный России Смоленск, Дорогобуж было даровано огромное количество земель на всей территории Смоленской губернии. Так, его двор на Блонье (боярские земли в Смоленске) занимал 3960 кв. саж. Конечно, позже все эти земли перешли по наследству его многочисленному потомству.

⁸ Именно в доме Таврического областного прокурора – Дмитрия Егорови- ча Лесли – первоначально размещалось первое народное училище Крыма. Дом был подарен Дмитрием Егоровичем Лесли приказу общественного призрения и находился в Симферополе в начале нынешнего Совнаркомовского переулка. Здание не сохранилось.

⁹ Пожалован 25 марта 1791 г.

¹⁰ Светлейший князь Александр Андреевич Безбородко (1747–1799).

¹¹ В 1793 г. успел уговорить к присяге на подданство России часть бывшего польского войска и значительное число шляхты.

¹² Возможно, Иван Петрович Дунин-Борковский (1752–?) – генерал от кавале- рии; генерал-поручик с 25 марта 1791 г.

¹³ Возможно, Василий Петрович Орлов (1745(44)–1801).

¹⁴ Кто была Ольга Ивановна, установить пока не удалось.

¹⁵ Александр Александрович Лесли (1810–1877) – поручик в отставке. Имел орден Св. Анны 3-й степени с бантом, польский знак отличия «За воен- ные достоинства» 4-й степени. А.А. Лесли в 1843 г. служил депутатом по вы- бору дворянства Смоленского уезда. С 1857 г. по 1861 г. – Смоленский уезд- ный предводитель дворянства. С 1864 по 1865 гг. А.А. Лесли – совестный судья в палате уголовного суда. С 1858 г. был действительным и активным членом Смоленского общества сельского хозяйства. А.А. Лесли вел дневник 27 лет, с 1851 г. по 1877 г.

¹⁶ Дневник – 1856 г.

¹⁷ Александр Дмитриевич Лесли.

¹⁸ Дмитрий Егорович Лесли.

¹⁹ Варвара Дмитриевна Лесли (1763–1857).

²⁰ Сергей Иванович Лесли (ок. 1758–1826) – премьер-майор в отставке. В чине надворного советника в 1803–1805 гг. был Ельнинским уездным пред- водителем дворянства, позже коллежский советник. С 1805 по 1814 гг. и с 1818 по 1826 гг., т.е. в течение 17 лет (с перерывом) С.И. Лесли занимал должность губернского предводителя дворянства. Руководил организацией народного ополчения в 1812 г. Кавалер орденов Св. Анны 2-й степени и Св. Владимира 4-й степени.

²¹ Авраамий Степанович (Абрам) Лесли (1784–?). Участвовал во всех сраже- ниях вместе с братьями Лесли в их отряде.

²² Федор Заяц – крестьянин, участник войны 1812 г.

²³ Петр Дмитриевич Воеводский – надворный советник, в 1812 г. – Смолен- ский уездный предводитель дворянства. Имел орден Св. Анны 2-й степени.

²⁴ Дневник – 1857 г.

²⁵ Дневник – 1855 г.

²⁶ Дмитрий Егорович выставлял 12 конных, Григорий 16 конных и двух пе- ших, Петр 19 конных, Александр 20 конных, Егор 20 конных и Варвара Дмитри- евна 10 человек конных, так что весь отряд состоял из 97 конных и двух пеших охотников. К этому же отряду присоединил своих 11 конных людей помещик Смоленского уезда села Надвы генерал-майор Оленин 1-й, принявший на себя общее начальство.

²⁷ Дневник – 1854 г.

²⁸ Дневник – 1858 г.

²⁹ Дневник – 1860 г.

³⁰ Дневник – 1867 г.

³¹ Александр Петрович Апухтин – инженер-генерал-майор (1775–1844).

³² Например, в книге «Бессмертен тот, Отечество кто спас» указана еще одна причина: «Ознакомившись с позицией у Царева-Займища, главнокоман- дующий в целом ее не одобрил и 18 (30) августа отдал приказ отводить войска далее на восток – к Можайску».

³³ Кроме участия в партизанских действиях еще несколько дворян Бельского уезда снова поступили из отставки на действительную службу, а именно: Свиты Его Величества полковник Дмитрий Степанович Вистицкий, гвардии полков- ник Александр Николаевич Потемкин, Иван Михайлович Соколов и Николай Брагин. Потемкин, тяжело раненный под Бородином, был взят в плен и там умер от изнеможения и ран. Из других уездов в ряды армии записались по изгнании французов: дворяне Петр Павлович Каверин, Павел Петрович Андреев, Дми- трий Лесли и Алексей Лесли.